МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
Москва, К-9, ул. Горького, д. 5/6. Тел. Б 9-51-61

Вырезка из газеты ТАГИЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ
10 ФЕВ 1965
от . . . . . .
г. Н. Тагил Газета № . . .

ДАТЫ. ИМЕНА. СОБЫТИЯ

Встречи с великим артистом

(ЗАВТРА — 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. КАЧАЛОВА)

Впервые я увидел Качалова в 1932 году в спектакле М. Горького «На дне» — в роли барона. Спектакль отличался необыкновенным ансамблем звезд первой величины. Лука — Москвин, Бубнов — Тарханов, татарин — Вишневский, Костылев — Хмелев, Васька Пепел — Добронравов, Василиса — Шевченко. И все же Качалов был исключительным. То был самый «отрицательный» (если можно так выразиться) образ в спектакле, или, как любил говорить В. И. Немирович-Данченко, «реалистический образ, отточенный до символа».

В. И. Качалова можно назвать одним из самых чеховских актеров. Вся его интеллигентность, духовный облик, все его обаяние сами по себе рождены для того, чтобы играть Чехова. Он нес в себе эту пламенную чеховскую мечту о лучшей жизни, которая непременно должна наступить в России.

Мне довелось видеть Качалова в роли Гаева в «Вишневом саду» в 1934 году. Интересно, что когда они выходили с Книппер (Раневской) и говорили на сцене, зрителей не покидало ощущение, что это подлинные брат и сестра, что никакой это не театр. Гаев у Качалова — словно ребенок, совершенно беспомощный, очень болтливый, но удивительно обаятельный, добрый и немного сентиментальный. Он носил детскую панаму; когда приезжал с торгов, до того был настрадавшимся, слезливым, что Раневская, ждавшая помощи, понимала, что не он, Гаев, а она ему должна помочь.

Огромное впечатление оставило во мне исполнение Качаловым роли от автора в спектакле «Воскресенье» (по роману Л. Толстого). Дело в том, что хор, ведущие от автора или чтецы, выходящие в спектаклях, — все это до сих пор вызывает споры: нужны ли они, как их показывать? Качалов — единственный чтец от автора — не вызывал сомнения в необходимости существования такого персонажа. Он появлялся всюду, вмешивался активно в действие, раскрывая внутренние монологи героев, и делал это настолько органично для спектакля, что трудно было себе представить другое сценическое решение романа Толстого.

На протяжении многих лет я думаю, в чем необычайный секрет, исключительное впечатление этой качаловской роли? Все дело, видимо, в том, что Качалов сам был настолько интересной индивидуальностью, духовно богатой, что он нес это свое одухотворение в зрительный зал.

В 1938 году я видел 63-летнего Чацкого в новой постановке «Горе от ума». Качалов играл не влюбленного юношу, хотя он в свои 63 года на сцене был абсолютно юн, а человека, который мучается, страдает за Россию, он играл тему «кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей».

Вершиной его в этой роли был монолог «Прочь из Москвы». Все у него клокотало внутри: страстный пламень, сарказм, яд, явившиеся бомбой, которую он бросал в мир фамусовых. Становилось ясно, что этот человек уж не оставит в покое фамусовых и скалозубов, но и бороться он будет уже не так. Его Чацкий повзрослел, приобрел мудрость, так нужную ему в борьбе. Когда я слушал этот монолог, то думал: возраста в искусстве нет.

В 1943—44 гг. нам, студентам ГИТИСа, поручали организовывать в Центральном Доме Советской Армии концерты для фронтовиков, приезжающих в Москву на побывку на день-два. В один из таких вечеров, когда на столицу опустилась густая, непроницаемая тьма, я поехал за Качаловым и Ливановым, чтобы привезти их на концерт. Предварительно в разговоре по телефону Качалов сказал, что будет ждать нас. Действительно, когда я постучал, Василий Иванович открыл дверь, чрезвычайно любезно поздоровался, закутался в шарф и сел в машину. Когда я сказал, что еще пойду за Ливановым, Качалов страшно забеспокоился, как я в темноте найду квартиру Ливанова. И несмотря на мой протест, он вышел из машины, вместе со мной поднялся до второго этажа.

В последний раз, в 1947 году, я видел В. И. Качалова в Доме актера на вечере, посвященном Е. Б. Вахтангову. Выступали товарищи, соратники, ученики Вахтангова. Из актеров старшего поколения выступил Качалов. Он сказал, что Евгений Багратионович талантливо имитировал его монолог из «Анатэмы» Андреева и что он в память о Вахтангове прочтет этот монолог.

Зал встретил и проводил Качалова овацией. Я зашел за кулисы и, набравшись храбрости, поздоровался с Василием Ивановичем.

— Ну, как же, помню, вы были у нас из ГИТИСа.

Я что-то пытался сказать, выражая свое восхищение монологом, на что Василий Иванович ответил, не заметив моего «комплимента»:

— Мы все так любили Евгения Багратионовича, что я хотел внести свою лепту в вечер его памяти.

Было это незадолго до смерти великого артиста, последовавшей в 1948 году.

Сила Качалова как актера — в его обаянии, которое на сцене является решающим. Обаяние — ведь это не что иное, как умение искренне верить в подлинность сценической жизни, в ее «всамделишность». Качалову — актеру мирового класса — с одинаковой силой удавались роли как в русском классическом репертуаре, так и в западной классике. Качалов — чтец на эстраде — это целая эпоха. Как он читал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина! Менее, мне кажется, ему удавался Маяковский.

Весь его внешний облик удивительно гармонировал с его сущностью. Красивый, высокий, статный, он притягивал к себе своей мягкостью, интеллигентностью, приветливостью.

Это был большой труженик, актер, учившийся и продолжавший работать до конца дней своих, ибо считал себя вечным учеником перед Искусством.

Л. ОКУНЬ,
режиссер Н.-Тагильского драматического театра.